

УДК 32

Информационное противоборство в контексте идентичности субъектов политического процесса в современной Сирии

Спицын Павел Александрович

Магистрант,
Военный учебно-научный центр Военно-Морского Флота,
Военно-морская академия (филиал в г. Калининград),
197045, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная Ушаковская, 17/1;
e-mail: spitsynpa@ya.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению вопросов информационного противостояния в ходе современного сирийского конфликта, в рамках которого в настоящее время разворачивается серьезная эволюция, связанная с изменениями идентичностей политических акторов этого процесса. Авторам на примере изменяющегося отношения к политической принадлежности, вопросам этнической или религиозной принадлежности отслеживаются процессы трансформации идентичностей акторов в рамках развития ситуации. Отмечается высокая роль современных средств коммуникации и интернета в ходе изменения стратегий политических субъектов, а также выявляется высокое значение внешних сил на позиционирование идентичности участников конфликта. Чрезвычайно сложным представляется вопрос о целесообразности диверсификации идентичностей, для этого автором предложен подход группировки идентичностей политических сил сирийского конфликта в трех измерениях: национальное (связанное с сохранением многонациональной и мультиконфессиональной республики), религиозное и этническое. Результаты рассмотрения проблем взаимодействия сторон конфликта позволили сделать выводы о концентрации ряда информационных стратегий и позиционирования идентичностей в зависимости от тех внешних сторон, на которые ориентируются участники. Так, для получения помощи региональных стран (Иран, Саудовская Аравия, Катар и Турция) более продуктивной будет позиционирование в качестве религиозной группы, а для помощи от внерегиональных стран (США, Россия, Великобритания, Франция) больший эффект произведет ориентир на национальную повестку.

Для цитирования в научных исследованиях

Спицын П.А. Информационное противоборство в контексте идентичности субъектов политического процесса в современной Сирии // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 6А. С. 87-100.

Ключевые слова

Конфликт в Сирии, информационное противоборство, политическая идентичность, политика, политология.

Введение

Большинство политических сил на Ближнем Востоке в той или иной степени опираются на использование своей идентификации в медийном пространстве для усиления своего влияния, а их лидеры применяют различные институциональные механизмы, приводящие к распространению необходимой информации. Ряд хорошо известных событий иллюстрирует этот фактор. Например, в 1990-е гг. в Ираке Саддам Хусейн объединил клановое правление с патронажем, которое пронизывало иракское общество. С. Хусейн избирательно подавлял и исключал из политического процесса большинство населения, состоящего из курдов и шиитов. Шииты систематически были недопредставлены и исключены из законных правительственных структур, пока этот представитель суннитского меньшинства находился у власти. В Ливии Муаммар Каддафи заключил союзы с тремя племенами, а в обмен на свою поддержку эти племена играли ключевую роль в полиции, вооруженных силах, правительстве и разведке. Каддафи натравливал племена друг на друга для обеспечения сотрудничества. Предпочтения в отношении включенных в эту систему племен стали причинами недовольства среди остальных этнических групп. В Йемене президент Али Абдалла Салех полагался на свой клан и соплеменников, которые занимали руководящие должности в военных и государственных учреждениях. Наконец, в Бахрейне монархия установила взаимозависимые отношения с одним сегментом элитарного населения-суннитами, исключив при этом большинство шиитов из власти. В Сирии клан Асадов заполнил военные и политические посты высшего уровня и всей семьей и покровительствовал союзникам племени алавитов.

В этих государствах действуют оригинальные институциональные механизмы. В Сирии, Ираке, и Ливии отдельные общественные группы систематически исключаются из представительных институтов. В случае с Бахрейном лидеры допускают доступ шиитов к политическому управлению, но на позициях, которые могут быть легко отняты

Информационное противоборство с позиции различных сторон конфликта

Использование сирийской оппозицией современных средств коммуникации было широко распространено уже в начале второго десятилетия XXI века и носило скорее не системный, а вспомогательный и экспериментальный характер. Если такие сетевые ресурсы как Facebook, Skype и Tweeter были задействованы преимущественно в качестве инструментов коммуникации, то Youtube, а затем социальные сети и мобильные приложения Viber, Mig33 и Tango стали использоваться в качестве элементов пропаганды и распространения идей оппозиции [Lauren, 2013]. В то же время активное информационное противоборство имело место уже на заре конфликта и состояло в активных акциях со стороны протестного движения, а также попыток пресечения правительственными силами солидаризации на волне конфронтации [Спицын, 2018].

Как и в широком диапазоне конфликтов информационное противоборство в рамках современной ситуации в Сирии представлено тремя уровнями – противоборство между государствами, конкуренция в сфере бизнеса и борьба интересов на человеческом уровне. Акторами этих уровней являются как государства, так и общественные группы, взаимосвязанность различных аспектов такого противостояния влечет за собой широкий выбор средств и методов, а также масштабы противоборства [Жарова, 2009].

Один из самых элементарных способов, с помощью которого политические деятели на Ближнем Востоке пытаются управлять информационным пространством через освещение в средствах массовой информации, заключается в ограничении доступа журналистов к частям их территории. Много было написано о сложностях публикации пресс-релизов, интервью и репортажей при прямом давлении на журналистов [Ситник, 2018]. Именно эти, в конечном счете, физические барьеры мешают даже самым критически настроенным журналистам увидеть, что происходит, или включить различные точки зрения на основе общения с местным населением. В Сирии, точнее, проблема была в том, что журналисты могли въехать в страну либо через официальные каналы, успешно применяя утвержденную правительством визу, или через территории повстанцев. Журналисты, которые въезжают в удерживаемые повстанцами районы без разрешения сирийского правительства, с тех пор считаются коллаборационистами и им больше не будет выдаваться официальная виза.

Следует отметить, что сирийский режим имеет в своем распоряжении заведомо вездесущий и профессиональный орган секретных агентов, так называемый Мухабарат (Военная разведка), которому помогает Министерство информации. По проведенным ранее исследованиям [Strategic communication..., 2018] можно утверждать, что обе организации являются значительно более профессиональными, чем, скажем, разведывательные службы Египта или Ирака. Это стало очевидным, когда сирийские спецслужбы выследили оставшихся иностранных журналистов на своей территории в первые месяцы после начала восстаний, в период, когда в страну не допускались абсолютно никакие иностранные СМИ.

Для получения более объективной картины СМИ реагировали на эти физические барьеры при разработке «разделение труда» среди журналистов. Таким образом, по крайней мере в двух программах новостей или текущих событий по схожему направлению один журналист периодически въезжал в Сирию по официальным каналам, в то время как другой иногда въезжал в районы, удерживаемые повстанцами. В обоих случаях идея такой установки возникла достаточно органично, то есть без сознательного планирования заранее. Эта политика просто обусловлена тем, что один из журналистов не смог получить официальную визу после въезда в районы, удерживаемые повстанцами, что заставило редакторов принять решение о том, что с этого момента другой журналист будет въезжать в страну только по официальным каналам. Таким образом, сирийские спецслужбы, казалось, исключали отдельных журналистов, а не организации.

Сделав выбор в пользу этого разделения труда, редакция получала доступ к охватывающим более широкие перспективы, мест и народов спектрам проблематик, нивелируя те недостатки в освещении медиа, которые часто критиковали ученые, исследовавшие аналогичный аспект в период войны в Ираке [Boyd-Barrett, 2004]. В таком случае оба журналиста устанавливали более устойчивые контакты и создавали сети в рамках повстанческих групп и сирийского государственного аппарата. Как отмечают исследователи, эти доверительные отношения особенно важны для военных корреспондентов, поскольку они ведут переговоры о своей автономии через неформальные, а также через официальные отношения [Murrell, 2009].

Новостные программы, в которых работали эти журналисты, стали в большей степени зависеть от настольных репортажей через пресс-релизы, видеоматериалы, отчеты НКО и анализ коллег, работающих в регионе. Короче говоря, имея одного репортера, показывающего разные стороны конфликта, эти новостные программы неизбежно подвергались воздействию менее поддающихся проверке источников.

Печатные журналисты, прибегая к гораздо более безопасному подходу, использовали Skype для интервью с людьми разных политических убеждений по обе стороны границы, так как Skype уже давно считается одним из самых безопасных средств связи для повстанцев и активистов на Ближнем Востоке [Ситник, 2018]. Несмотря на то, что такой подход действительно обеспечивал журналистам доступ к конкретным лицам, он также оставлял им мало средств для проверки и контроля точности их отчетов. Кроме того, общая осторожность сирийцев по отношению к агентам разведки, появляющимся в самых неожиданных маскировках, также означала, что они часто неохотно идентифицировали себя или обосновывали свои претензии конкретными именами и местами. Журналисты отреагировали на эту ситуацию двумя общими способами, оба из которых были предназначены для контроля за сравнительно низкой надежностью их опосредованных свидетелей. Некоторые полагались на очень широкую, более поверхностную сеть людей, с которыми они могли связаться через коллег, фиксаторов и друзей. Они будут использовать эти сети (по телефону и через социальные сети) для проверки биографических данных опрошенных и рассказанных ими историй. Они выносят свои суждения, принимая во внимание широкий круг мнений и толкований, что позволит им оценить опасности и предостережения любого конкретного заявления. Другие журналисты использовали явно противоположный тип стратегии, поскольку они утверждали, что полагаются на интервью по скайпу только для интервью с людьми, которых они знали лично в течение довольно долгого времени. Эта мера предосторожности привела их не столько к доверию к тому, что сказали их собеседники, сколько к самостоятельной оценке их происхождения и принадлежности, с тем чтобы, по крайней мере, это можно было принять во внимание. Хотя эти репортеры, конечно, также имели широкую личную сеть, они, таким образом, использовали бы более глубокие отношения для решения проблемы неопределенности, присущей опосредованным интервью.

В более исключительных случаях некоторые печатные журналисты смогли сохранить свои возможности, анонимно сообщая об этом из районов, удерживаемых повстанцами или осажденных. Этот ответ был доступен только тем, кто жил в Сирии в течение более длительного периода времени, что означало, что они могут рассчитывать на поддержку сравнительно сложные личные связи. Несмотря на то, что похищения в то время были относительно редкими, анонимные сообщения оставались крайне опасными не только из-за продолжающегося насилия, но и главным образом из-за угроз, которые их близкие получали от разведывательных служб, вплоть до физического запугивания. Хотя службы были достаточно осторожны, чтобы не навредить им-поскольку журналисты сохранили за собой право распространять свое свидетельство по всему миру – послание покинуть страну было передано достаточно ясно. Наконец, следует отметить, что эта стратегия, как правило, ограничивалась первыми шестью месяцами после начала восстаний в марте 2011 года: таким образом, разведывательным службам потребовалось менее полугода, чтобы изгнать, по крайней мере, всех голландских журналистов со своей территории.

После того, как журналисты получили официальную визу, им все еще приходилось иметь дело с «опекунами», посланными Министерством информации. Официально служба «руководством и защитой», как это обычно делают фиксаторы, эти государственные служащие делали репортажи о точном местонахождении и деятельности журналистов, в то же время приводя их в места, которые были «безопасными» как для журналиста, так и для сирийского правительства. В конкретном случае, посещавшие Дамаск репортеры неоднократно отказывались от входа в общественный парк и школу, где беженцы и местные жители могли случайно оказаться. Кроме того, известно, что эти надзиратели намеренно неверно

истолковывали рассказы интервьюируемых, а иногда даже заставляли последних давать правильные ответы путем устного, а в некоторых случаях даже беззастенчивого физического запугивания.

Конечно, повстанческие группы в равной степени стремились показать журналистам свою версию фактов, будь то светские группы, которые не подчеркивают роли, которую играют в конфликте сектантские мотивы, или экстремисты, утверждающие прямо противоположное. В одном особенно поразительном случае выяснилось, что некоторые курдские боевики-женщины, получившие широкое освещение в международных средствах массовой информации, были созданы именно для того, чтобы переформулировать освещение в средствах массовой информации и привлечь больше сочувствия со стороны Запада [Vandervoordt, 2016]. В двух случаях журналисты сталкивались по крайней мере с одной группой «актеров» женщин-боевиков, прежде чем найти ту, которая действительно участвовала в работе курдских подразделений по защите населения.

Однако несмотря на то, что эти стратегии были весьма наглядно представлены в репортажах журналистов о сирийском режиме, они, по-видимому, были гораздо менее четко сформулированы в сообщениях, которые были сделаны журналистами, связанными с повстанческими группами. Это, по крайней мере, отчасти объясняется профессиональным, более открытым систематическим образом, в котором сирийские правительственные чиновники препятствовали журналистам разговаривать с конкретными людьми или посещать конкретные сайты. Хотя тот факт, что они были «внедрены» в повстанческие группы, был открыто объявлен журналистами в начале их репортажей, последствия этого были упомянуты только с точки зрения их готовности рассказать нам свою историю или показать нам, какие дома были разрушены или какие тела были убиты сирийским режимом. В целом журналисты прямо не тематизировали попытки повстанческих групп помешать им увидеть конкретные места или людей.

В Сирии, как и в других ближневосточных государствах, некоторые наблюдатели позволили бы журналистам передвигаться более свободно, чем другие, хотя и в определенных пределах. Таким образом, если репортеру удастся наладить более дружеские отношения с некоторыми попечителями, последние могут воздержаться, по крайней мере, от физического запугивания субъектов, с которыми репортер пытается взять интервью. Хотя такие отношения явно не предоставляют журналистам всей свободы, которую они хотят, они, похоже, дают им немного передышки, позволяя им немного лучше оценить контекст своего окружения [Жарова, 2009].

В совокупности препятствия, о которых до сих пор шла речь, подпитывали более общую проблему представления доказательств утверждений журналистов, содержащихся в их докладах. Другими словами, точность распространяемой ими информации зачастую трудно проверить и, как правило, невозможно перепроверить. В ответ на эти трудности некоторые журналисты чувствовали себя достаточно уверенно, чтобы интерпретировать слухи и заявления по-своему. Эти журналисты чувствовали себя способными оценить как достоверность непроверенной информации, так и истинные намерения акторов, тем самым помещая их в общий ход событий. Однако эта форма обеспечения точности сообщений новостей основывалась на более широком знании журналистами конфликта, региона и их способности делать правильные выводы из расплывчатых и несвязанных фрагментов информации. Таким образом, эти идеи были доступны либо долгосрочным постоянным корреспондентам в регионе, либо узкоспециализированным специалистам (например, в ближневосточных конфликтах).

Концентрация на стратегиях идентичности, которую несли в своей информационной деятельности противоборствующие силы в Сирии представлена многими уровнями и имеет по

меньшей мере три измерения: национальное (связанное с сохранением многонациональной и мультиконфессиональной республики), религиозное и этническое.

Виды идентичности субъектов политического процесса в Сирии

С момента своего возникновения в 2011 году сирийский конфликт привлек ряд местных, региональных и глобальных субъектов, как государственных, так и негосударственных игроков, что привело к многочисленным параллельным международным фронтам противостояния в рамках внутренней борьбы. В различных сферах имеют место отдельные формы противоборства между Саудовской Аравией и Ираном, Саудовской Аравией и Катаром, Ираном и США; Ираном и Израилем, Турцией и РПК; Россией и Западом; Западом и Исламским государством, а также Россией и Исламским государством [Leenders, 2013].

Сирийский конфликт начался в марте 2011 года. Сирийцы мирно вышли на улицы, чтобы протестовать против правления президента Башара Асада, находящегося у власти с 2000 года. Перед лицом продолжающихся репрессий в адрес оппозиционных ополченцев, сформированных для защиты протестующих, со стороны проправительственных сил, подконтрольных Б. Асаду. Президент был полон решимости подавить оппозицию военным путем, к концу 2011 года Сирия вошла в гражданскую войну, вылившуюся в продолжительное противостояние между хорошо вооруженными военными Асадами и плохо обеспеченными ресурсами повстанцами. Со временем к конфликту присоединились две новые группы: курдские бойцы во главе с Партией демократического союза, настаивающей на автономии, и зловещее Исламское государство (ИГИЛ), пытающееся построить «халифат» [Lister, 2015].

Стороны сирийского конфликта обладали несколькими уровнями идентичности, но с самого начала конфликта политика идентичности была заметной. Для режима Асадов, заложенного еще в период правления отца нынешнего президента, Хафеза Асада (правившего с 1971 по 2000 годы) продвигается намеренно неоднозначная идентификация и отнесение к определенным религиозным и политическим группам [Phillips, 2016]. Асады являются алавитами, далеким ответвлением Ислама шиитского толка, которое составляло примерно 12% сирийцев. Говоря на языке общей сирийской и арабской идентичности, Асад отдал предпочтение членам их исторически маргинализованной секты, поставив их на мощные позиции, особенно в армии [Droz-Vincent, 2014]. Это разочаровало некоторых мусульман-суннитов, 74% (65% были арабами, 10% курдами) из населения, которое традиционно правило и теперь чувствовало себя бесправным, даже несмотря на то, что режим Асада в действительности продвигал несколько видных суннитов. Асады также продолжили историческую маргинализацию курдом, составлявших 9% населения Сирии, лишив его культурных прав и спровоцировав зарождающийся курдский национализм. Асады были не единственными, кто продвигал контрастные идентичности. Сирийцы использовали целый ряд внутренних и внешних аспектов, подчеркивающих различную религиозную, наднациональную и политическую идентичность, особенно по мере совершенствования спутниковых и интернет-технологий [Lynch, 2013].

Национальная идентичность участников конфликта

Действующие в сирийском конфликте силы Асада боролись за сохранение довоенного статус-кво, поэтому имело смысл придерживаться ранее существовавшего дискурса идентичности. Большая часть подходов Асада заключалась в том, чтобы представлять в качестве защитника меньшинств алавитов, других шиитов, друзов и христиан. Также широко

применлся секуляризм, победивший на идеологическом поле светских суннитов. Сузить его поддержку, одобрив чисто алавитскую идентичность, возможно, было бы контрпродуктивно. В противоположность этому повстанческие силы были в меньшей степени обусловлены существовавшими ранее дискурсами. В отличие от сторонников нескольких лояльных Асаду групп, большинство повстанцев были арабами-суннитами, что сделало важным для их лидеров подчеркивание этой идентичности.

Важно отметить, что все внешние участники конфликта, поддерживавшие боевиков, изначально отдавали предпочтение группам с национальной идентичностью. Основные союзники Асада, Россия и Иран, быстро направили материальную поддержку Сирии: Тегеран отправил военных советников к концу 2011 года, в то время как Москва продолжала продавать оружие, несмотря на призывы к международному эмбарго на поставки оружия [Phillips, 2016]. По мере того, как конфликт развивался, позиция России не менялась, и сирийские военные были ее главным контрагентом, даже когда Москва непосредственно вмешивалась в 2015 году. Позиция Ирана была более проработанной и обращалась к ненациональным боевым группировкам, шиитским ополченцам, поддерживающим Асада с 2012 года. Но в то время, как Иран успешно завербовал Шиитское ополчение из Ливана, Ирака, Афганистана и Пакистана для борьбы, было очень мало коренных шиитов в самой Сирии, едва 1% довоенного населения. К тому моменту как эти группы были мобилизованы по религиозному признаку, сужение фокуса идентичности только на шиитскую составляющую исключило бы других ключевых сторонников Асада в ущерб Ирану.

Основные противники Башара Асада – Саудовская Аравия, Катар, Турция и Соединенные Штаты также изначально поддерживали национальные группы. Саудовская Аравия и Катар вели публичные призывы вооружить свободную сирийскую армию в феврале 2012 года, и к концу этого года оба правительства вместе с Турцией и ЦРУ содействовали притоку денег и оружия в Сирию. Эти правительства предприняли согласованные усилия, чтобы сделать Свободную сирийскую армию (ССА) ведущей повстанческой вооруженной группировкой, пытаясь связать ее с изгнанной политической оппозицией, и коалицией сирийской оппозиции в ноябре 2012 года и организовать большую централизацию ССА. Желание подтолкнуть национальные группы было вызвано страхом некоторых исламистских боевиков среди повстанцев, особенно из США и Саудовской Аравии. Обе страны стремились обеспечить свержение Асада силами бывших военных, вошедших в ряды ССА, этой задачей должны были заняться не исламисты, связанные либо с Аль-Каидой, либо с братьями-мусульманами. Однако следует отметить, что религиозные группы стали более благоприятными партнерами для внешних сторон конфликта по мере развития войны. Катар и Турция были уже заранее благоприятно настроены по отношению к Братьям-мусульманам и поэтому предпочли перевести свои вооруженные отряды, переданные в ССА в начале конфликта, салафитским группировкам и сектантским группам, таким как Ахрар аш-Шам. Саудовская Аравия, хотя и более осторожно, но в конце концов перешла к поддержке исламистов – салафитов Джаиш аль-Ислам против Аль-Каиды и Братьев-мусульман, когда стало ясно, что у ССА борьба не складывается. Стоит отметить, что США продолжали спонсировать группы, номинально прикрепленные к ССА или силы светского характера независимо от того, насколько слабыми они в конечном счете оказались на местах.

Таким образом, воюющие группы, подчеркивающие национальную идентичность, были значительными игроками на протяжении всего конфликта. Россия и Иран спонсировали национальные военные институты Сирии, в то время как Катар, Саудовская Аравия, Турция и

США первоначально поддерживали оппозиционные группы, поддерживающие национальные идеи. Две глобальные державы, Россия и США, в значительной степени придерживались этой формулы, в то время как региональные державы Иран, Саудовская Аравия, Турция и Катар по различным причинам диверсифицировали свою поддержку, включив в нее религиозные группы, часто осуществляя помощь наряду с националистскими группами.

Религиозная идентичность одна из главных движущих сил

Возможно, больше бойцов формально стояли под национальными знаменами, но число групп, подчеркивающих религиозную идентичность, было намного больше. В то время как существовали сотни религиозных боевых групп, здесь можно отметить по две ключевых для разных сторон конфликта: две шиитские группы в поддержку Асада – «Хезболла» и бригада аль-Аббас; две суннитские исламистские оппозиционные группы – Ахрар аш-Шам и Джейш аль-Ислам; две джихадистских группировки, бригады Аль-Нусра и Исламское государство в Ираке и Леванте (ИГИЛ).

И «Хезболла», и бригада аль-Аббас мобилизовались по религиозным линиям, но по-разному. Последняя была более явной, первоначально была создана специально для защиты шиитской мечети Сайида Зейнаб в Южном Дамаске от нападений повстанцев. К середине 2013 года до 10 000 сирийских и иностранных шиитов, особенно иракских, присоединились к бригаде, которая получила свое имя от сына имама Али [Mahmood and Martin, 2013].

«Хезболла» присутствовала в Сирии до 2013 года, но ее генеральный секретарь Хасан Насралла признал это только в апреле 2017 года. Опять же, используя сектантские язык в телевизионном выступлении он заявил, что защищал мечеть Сайида Зейнаб, а также обвиняет США и Израиль в радикализации войны [Black and Dan, 2013]. Позиция «Хезболлы» отличалась от позиции бригады аль-Аббас. Х. Насралла, подчеркивая предполагаемую роль США и Израиля в конфликте, который был ограничен в информационном плане, и взаимодействовал со своими сторонниками за пределами шиитов, при этом Хезболла долго позиционировала себя как защитник мусульман, арабов и антизападников в целом [Valbjørn, 2013]. Корреляция между внешним государственным спонсорством поддерживается в дальнейшем при рассмотрении двух самых крайних джихадистских боевых групп, аль-Нусра и ИГИЛ.

Однако и та, и другая группа процветали на негосударственной внешней поддержке. Обе произошли от одной и той же организации ИГИЛ и были созданы извне в отличие от других повстанческих групп внутри страны. Обе с самого начала апеллировали к транснациональной мусульманской суннитской идентичности. Аль-Нусра возникла в начале 2012 года с откровенно сектантской, джихадистской и антизападной идеологией, которая выделила ее от большинства повстанческих групп в то время. К концу 2012 года группа была «национализирована», привлекая в основном сирийских боевиков из конкурирующих повстанческих групп с ее лидером, Абу Мохаммад Аль-Джолани, отрицая, что у группы была цель в другом месте, чем Сирия [Pierret, 2013]. Этот идеологический сдвиг может быть прагматичным, большинство бойцов привлекает аль-Нусра в качестве варианта поднять оружие для того, чтобы бороться с Асадом, а не присоединиться к транснациональному джихаду. Все это способствовало расколу с ИГИЛ, однако, аль-Нусра отказывается подчиняться недавно созданному в 2013 году ИГ, но вместо этого заявила о своей лояльности Аль-Каиде.

Поэтому региональные субъекты являются основными спонсорами религиозных групп и в значительной степени определяют их роль. Количество шиитских ополченцев в Сирии, таких

как «Хезболла» и группы Аль-Аббас, было в основном связано с Ираном, который организовал их развертывание, хотя и управлял их идеологической дисциплиной. Напротив, религиозные борцы Суннитской оппозиции формировались более органично, но на их уровень экстремизма часто оказывала внешняя поддержка. Силы при поддержке государственных структур, таких как Ахрар аш-Шам и Джаиш аль-Ислам, умерили свои лозунги под внешним давлением, в то время как радикальные джихадисты, такие как аль-Нусра и ИГ спонсируется исключительно за счет негосударственных фондов.

Этническое измерение идентичности в сирийском конфликте

Этническая принадлежность была менее значимым мобилизатором, чем религия или нация, за одним заметным исключением: сирийские курды. У 10% довоенного населения, которые были курдами, были веские основания для того, чтобы противостоять режиму Башара Асада, который исторически дискриминировал их. Однако, традиционно светские курды не доверяли исламистам и арабским националистам среди повстанцев. Но и внутри своего этноса курды были далеки от единства, и соперничающие политические и вооруженные группы появились в вакууме, когда силы Асада вышли из курдских сердцевин. Быстро, хотя, одна сила пришла доминировать. Хотя их главный соперник, конгломерат Курдского национального совета, получил некоторую поддержку от регионального правительства иракского Курдистана, это было омрачено уровнем подготовки, оружия и финансов, поступающих в курдскую Партию демократического единства (ПДЕ) от своего турецкого идеологического союзника, Рабочую партию Курдистана (РПК). Это помогло военному доминированию ПДЕ в курдских регионах, объявив провозгласив федеративный регион «Рожава» в конце 2013 года [Kurds ..., 2013].

Эволюция дискурса идентичности ПДЕ оказалась обратной стороной для оппозиционных боевых групп. ПДЕ начал с узкого обращения к Курдам, а затем расширился, чтобы обратиться к сирийской нации. Они создали более широкий зонтик, В то время как ПДЕ сохранила традиционные курдские флаги и символы красного, желтого и зеленого цветов, логотип СДФ был сознательно более инклюзивным: карта Сирии с ее именем, написанным на арабском, курдском и сирийском языках (что было сделано для привлечение некурдских сил на свою сторону). Точно так же «Рожава», что означает «Запад» в курдском языке, подразумевая, что это Западная провинция большого Курдистана, охватывающая Сирию, Ирак, Турцию и Иран, была переименована в 2016 году в «Демократическую Федерацию Северной Сирии», что явилось еще одним жестом по включению некурдского населения в свое противостояние.

В то время как курды за счет ПДЕ были наиболее многочисленной этнической группой, участвующей в военном противостоянии, другие более мелкие боевые группы также мобилизовались по этническому признаку. Ассирийская христианская община Сирии состоит примерно в 400 000 человек, и некоторые из них сформировали этнически ориентированное ополчение [Al-Abed, 2014]. Наиболее известными были Сирийский военный совет, который воевал под традиционные сирийские цвета синий, красный и желтый.

В то же время другая, соперничающая группа под названием Ассирийские силы самообороны «Соторо», отошла от сирийского Военного совета в провинции Камишли, чтобы бороться за Асада. Они приняли другой логотип, также используя красный, синий и желтый, но их официальные фотографии часто включали двухзвездочный сирийский флаг. Учитывая их крошечное число, неудивительно, что ни один из внешних акторов, ни несколько сотен тысяч

человек-ассирийцев в Ираке, подвергшихся еще большему преследованию в последние годы, не послали поддержки ни одной из групп этих политических акторов.

Другой небольшой этнической группой были туркмены, проживавшие в основном на севере Сирии вдоль границы с Турцией. Как и ассирийцы, несколько ополченцев формировались по этническому туркменскому признаку, в основном с оппозиционной стороны [New York Times, 2015].

В отличие от ассирийцев, туркменские ополченцы получили значительную внешнюю поддержку со стороны Анкары. В этом случае этническая идентичность имела большое значение, поскольку Президент Эрдоган давно утверждал, что Турция обязана защищать этнических туркменов. По мере того, как война развивалась и повстанческие прокси Турции оказались менее надежными, больше было вложено в туркмен, видя их в качестве гарантированного союзника, несмотря на то, что в общей сложности около 5000 бойцов [Ağacı, 2015].

В 2016 году, когда Турция создала новые силы для вторжения в Северную Сирию, чтобы очистить ИГИЛ от своей границы, известной как щит Евфрата, туркменские ополченцы под знаменем сирийских туркменских бригад сыграли ведущую роль. Туркмены носили нарукавные повязки голубого цвета, традиционный туркменский цвет, чтобы отличить себя от арабских бойцов. Однако несмотря на то, что Турция кооптировала большинство боевиков туркменского ополчения, следует отметить, что этническая солидарность с Турцией не была универсальной, и горстка туркменских ополченцев вошла в союз с СДФ, а не с Анкарой.

Заключение

В этой статье изложены некоторые предварительные ответы на два вопроса. Во-первых, каким образом складывается идентичность субъектов политического процесса в современной Сирии. Во-вторых, как складывается информационное противоборство в современной Сирии. Во-вторых, рассмотрена попытка различных групп через информационное противоборство достичь универсализации человеческих страданий как руководящего обоснования субъективного участия в противовес более политически ориентированным формам участия, таким как пропаганда [Ситник, 2018].

Из этого исследования различных идентичностей, подчеркиваемых боевыми группами в сирийском конфликте и их взаимодействием с внешними субъектами, можно указать на несколько заметных наблюдений, которые отвечают на эти вопросы и указывают на области возможных будущих исследований. Во-первых, региональные державы гораздо в большей мере готовы поддержать религиозные боевые группировки, чем глобальные державы. В то время как все внешние державы начали войну в пользу номинально национально-ориентированных групп, со временем региональные державы – Иран, Саудовская Аравия, Катар и Турция обратились к религиозным группировкам. Все это шло вразрез предпочтениям двух основных мировых держав, США и России, а также внерегиональных Великобритании и Франции, которые продолжали оказывать поддержку национальным группам. Например, Вашингтон, настаивал на том, чтобы этническая группировка, ПДЕ, приняла более масштабную национальную повестку, став СДФ, чтобы оправдать поддержку со стороны Соединенных Штатов.

В информационном и пропагандистском плане внешние по отношению к Сирии государственные субъекты пытались умерить своих доверенных лиц. Это, возможно, удивительно, поскольку правительство США часто обвиняют в радикализации боевиков в

Сирии, спонсорстве религиозных групп. Тем не менее, картина более тонкая, и как только отношения были установлены, правительства стремились изменить тенденции и умерить своих союзников. Это было замечено с Саудовской Аравией и Джейш Аль-Исламом, Турцией с Ахрар аш-Шам и США.

В отличие от этого, еще одна особенность заключается в том, что независимые негосударственные субъекты, как правило, являются более радикальными и изолированными. Это было, конечно, случай, когда ИГИЛ спонсировал сначала «Джабхат Ан-Нусру», а затем был достигнут полный разлад в деятельности двух движений. Аналогично, ранняя поддержка совпала с его наиболее яркими курдскими националистическими позициями, прежде чем быть публично умеренным США. Это может свидетельствовать о том, что, хотя государственные субъекты ограничены в том, кого они спонсируют из-за обеспокоенности международной репутацией, негосударственные субъекты не имеют таких препятствий.

Что касается дальнейших исследований, то одной из областей, представляющих интерес, является то, что делает некоторые информационные стратегии, направленные на позиционирование собственной идентичности, более успешными в качестве основы для боевых групп. В частности, любопытно, что курдская этническая идентичность была успешно мобилизована, чтобы сформировать мощную и эффективную силу, в то время как мусульманская суннитская религиозная идентичность была расформирована в более широкий спектр сил. Существует несколько возможных объяснений, требующих дальнейшего изучения. Вполне возможно, что курдский национализм был более последовательным и легко импортируемым, учитывая его развитие в Ираке и Турции в предыдущие десятилетия, в то время как мусульманская суннитская идентичность по-прежнему сильно оспаривается в исламском мире с целым рядом конкурирующих джихадистских, исламистских и светских интерпретаций.

Библиография

1. Жарова А.К. Сущность и структура информационного противоборства // Государство и право. 2009. № 2. С. 48-54.
2. Спицын П.А. Базовые приемы в информационных войнах (Ближний Восток и Сирия) // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 96-103.
3. Сытник А.Н. Информационное противоборство в Сирии // Азия и Африка сегодня. 2018. №2. С. 64-68.
4. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США: от «мягкой силы» к «диалоговой пропаганде» // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3 (42). С. 121-133.
5. Al-Abed T. Syria's Assyrians Threatened by Extremists // Al-Monitor. 2014. April 28.
6. Andén-Papadopoulou K., Pantti M. The media work of Syrian diaspora activists: Brokering between the protest and mainstream media // International Journal of Communication. 2013. 7. P. 2185-2206.
7. Arpacik C. Turkey, Syrian Turkmen Team up to Form United Turkmen Army. Yeni Safak, 2015.
8. Black I., Roberts D. Hezbollah is Helping Assad Fight Syria Uprising, Says Hassan Nasrallah // The Guardian. 2013. April 30.
9. Boyd-Barrett O. Understanding: The second casualty // Reporting War: Journalism in Wartime. London: Routledge, 2004. P. 25-42.
10. Couldry N., Downey J. War or peace? Legitimation, dissent and rhetorical closure in press coverage of the Iraq war build-up // Reporting War: Journalism in Wartime. London: Routledge, 2004. P. 266-282.
11. Dickson J. Turkey Turns Blind Eye to ISIS Fighters Using Its Hospitals: Sources // Ipolitics. 2015. May 27.
12. Droz-Vincent P. State of Barbary' (Take Two): from the Arab Spring to the Return of Violence in Syria // The Middle East Journal. 2014. 68. №1. P. 33-58.
13. Kurds declare federal region in north. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2016/03/syria-civil-war-kurds-declare-federal-system-north-160317111902534.html>
14. Lauren A. Sharing is Believing: How Syrian Digital Propaganda Images Become Re-inscribed as Heroes // Technoetic Arts: A Journal of Speculative Research. 2013. Vol. 11. № 3. P. 239-252.

15. Leenders R. Social movement theory and the onset of the popular uprising in Syria // Arab Studies Quarterly. 2013. 35(3). P. 273-289.
16. Lister C. The Syrian Jihad. London: Hurst, 2015.
17. Lynch M. The Entrepreneurs of Cynical Sectarianism // POMEPS Studies 4: The Politics of Sectarianism. Washington, DC, 2013.
18. Mahmood M., Chulov M. Syrian War Widens Sunni-Shia Schism as Foreign Jihadis Join Fight for Shrines // The Guardian. June 2013.
19. Murrell C. Fixers and foreign correspondents: News production and autonomy // Australian Journalism Review. 2009. 31(1). P. 5-17.
20. Phillips C. The Battle for Syria: International Rivalry in the New Middle East. New Haven, CT: Yale University Press, 2016.
21. Pierret T. Salafi Jihadism and the Syrian Civil War: National and International Repercussions // Salafism after the Arab Awakening: Contending with People's Power. London: Hurst, 2017.
22. Strategic communication in the context of modern information confrontation: EU and NATO vs Russia and ISIS // Proceedings of the 13th International Conference on Cyber Warfare and Security. 2018. P. 208-218.
23. Tumber H., Webster F. Journalists under fire: Information War and Journalistic. 2006.
24. Valbjørn M. Introduction: The Role of Ideas and Identities in Middle East International Relations // International Relations of the Middle East. London: Sage, 2015.
25. Vandevordt R. Covering the Syrian conflict: How Middle East reporters deal with challenging situations // Media, War & Conflict. 2016. Vol. 9(3). P. 306-324.
26. Who Are the Turkmen of Syria? // New York Times. 2015. November 24.
27. Wolfsfeld G. Media and Political Conflict: News from the Middle East. Cambridge: 1997.

Information confrontation in the context of the identity of the subjects of the political process in modern Syria

Pavel A. Spitsyn

Graduate Student,
Military Training and Research Center of the Navy,
Naval Academy (branch in Kaliningrad),
197045, 17/1, Ushakovskaya embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: spitsynpa@ya.ru

Abstract

The article is devoted to the issues of information confrontation in the course of the modern Syrian conflict, in which a serious evolution is currently unfolding, associated with changes in the identities of political actors in this process. On the example of the changing attitude to political affiliation, ethnic or religious affiliation, the authors monitor the processes of transformation of the actors' identities within the framework of the situation development. The high role of modern means of communication and the Internet in the course of changing the strategies of political actors is noted, as well as the high importance of external forces on the positioning of the identity of the parties to the conflict is revealed. The question of the expediency of diversification of identities is extremely difficult. For this purpose, the author proposes an approach of grouping the identities of the political forces of the Syrian conflict in three dimensions: national (associated with the preservation of a multinational and multi-confessional Republic), religious and ethnic. The results of the consideration of the problems of interaction between the parties to the conflict allowed us to draw conclusions about the concentration of a number of information strategies and positioning of identities depending on the external parties to which the participants are guided. Thus, to receive

Pavel A. Spitsyn

assistance from regional countries (Iran, Saudi Arabia, Qatar and Turkey), positioning as a religious group will be more productive, and for assistance from non-regional countries, a greater effect will produce a landmark on the national agenda.

For citation

Spitsyn P.A. (2018) Informatsionnoe protivoborstvo v kontekste identichnosti sub"ektov politicheskogo protsessa v sovremennoi Sirii [Information confrontation in the context of the identity of the subjects of the political process in modern Syria]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (6A), pp. 87-100.

Keywords

The conflict in Syria, information warfare, political identity, politics, political science.

References

1. Al-Abad T. (2014) Syria's Assyrians Threatened by Extremists. *Al-Monitor*, April 28.
2. Andén-Papadopoulos K., Pantti M. (2013) The media work of Syrian diaspora activists: Brokering between the protest and mainstream media. *International Journal of Communication*, 7, pp. 2185-2206.
3. Arpacik C. (2015) *Turkey, Syrian Turkmen Team up to Form United Turkmen Army*. Yeni Safak.
4. Black I., Roberts D. (2013) Hezbollah is Helping Assad Fight Syria Uprising, Says Hassan Nasrallah. *The Guardian*, April 30.
5. Boyd-Barrett O. (2004) Understanding: The second casualty. In: *Reporting War: Journalism in Wartime*. London: Routledge.
6. Couldry N., Downey J. (2004) War or peace? Legitimation, dissent and rhetorical closure in press coverage of the Iraq war build-up. In: *Reporting War: Journalism in Wartime*. London: Routledge.
7. Dickson J. (2015) Turkey Turns Blind Eye to ISIS Fighters Using Its Hospitals: Sources. *Ipolitics*, May 27.
8. Droz-Vincent P. (2014) State of Barbary' (Take Two): from the Arab Spring to the Return of Violence in Syria. *The Middle East Journal*, 68, 1, pp. 33-58.
9. *Kurds declare federal region in north*. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2016/03/syria-civil-war-kurds-declare-federal-system-north-160317111902534.html> [Accessed 12/12/2018]
10. Lauren A. (2013) Sharing is Believing: How Syrian Digital Propaganda Images Become Re-inscribed as Heroes. *Technoetic Arts: A Journal of Speculative Research*, 11, 3, pp. 239-252.
11. Leenders R. (2013) Social movement theory and the onset of the popular uprising in Syria. *Arab Studies Quarterly*, 35(3), pp. 273-289.
12. Lister C. (2015) *The Syrian Jihad*. London: Hurst.
13. Lynch M. (2013) The Entrepreneurs of Cynical Sectarianism. In: *POMEPS Studies 4: The Politics of Sectarianism*. Washington, DC.
14. Mahmood M., Chulov M. (2013) Syrian War Widens Sunni-Shia Schism as Foreign Jihadis Join Fight for Shrines. *The Guardian*, June 2013.
15. Murrell C. (2009) Fixers and foreign correspondents: News production and autonomy. *Australian Journalism Review*, 31(1), pp. 5-17.
16. Phillips C. (2016) *The Battle for Syria: International Rivalry in the New Middle East*. New Haven, CT: Yale University Press.
17. Pierret T. (2017) Salafi Jihadism and the Syrian Civil War: National and International Repercussions. In: *Salafism after the Arab Awakening: Contending with People's Power*. London.
18. Spitsyn P.A. (2018) Bazovye priemy v informatsionnykh voynakh (Blizhnii Vostok i Siriya) [Basic techniques in information wars (Middle East and Syria)]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7, 5A, pp. 96-103.
19. (2018) Strategic communication in the context of modern information confrontation: EU and NATO vs Russia and ISIS. In: *Proceedings of the 13th International Conference on Cyber Warfare and Security*.
20. Sytnik A.N. (2018) Informatsionnoe protivoborstvo v Sirii [Information confrontation in Syria]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 2, pp. 64-68.
21. Tsvetkova N.A. (2015) Publichnaya diplomatiya SShA: ot «myagkoi sily» k «dialogovoi propagande» [US public diplomacy: from "soft power" to "dialogue propaganda"]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International processes], 13, 3 (42), pp. 121-133.

22. Tumber H., Webster F. (2006) *Journalists under fire: Information War and Journalistic*.
23. Valbjørn M. (2015) Introduction: The Role of Ideas and Identities in Middle East International Relations. In: *International Relations of the Middle East*. London: Sage.
24. Vandevordt R. (2016) Covering the Syrian conflict: How Middle East reporters deal with challenging situations. *Media, War & Conflict*, 9(3), pp. 306-324.
25. (2015) Who Are the Turkmen of Syria? *New York Times*, November 24.
26. Wolfsfeld G. (2009) *Media and Political Conflict: News from the Middle East*. Cambridge.
27. Zharova A.K. (2009) Sushchnost' i struktura informatsionnogo protivoborstva [The essence and structure of the information confrontation]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2, pp. 48-54.